

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(СПбГУ)

Выпускная квалификационная работа аспиранта на тему:
**ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ПОГОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ В РУССКОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ НА ФОНЕ КИТАЙСКОЙ**

Образовательная программа «Русский язык»

Автор:

Ма Сянфэй

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент

Селиверстова Елена Ивановна

Рецензент:

кандидат филологических наук, доцент

Николаева Елена Каировна

Санкт-Петербург

2018

Изучение языковой картины мира, т.е. совокупности знаний о нем, отраженных в языке [Пименова 2005: 17], – одно из наиболее востребованных научных направлений современной лингвистики. Обращение к языковой картине мира осуществляется как в рамках изучения национальной концептосферы, составляющими которых являются концепты, а языковые знаки в этом случае представляют собой средство их постижения, так и в рамках лингвокультурологии – при раскрытии сформировавшихся в культуре этномаркированных стереотипных представлений, общих для коллективного носителя языка [Красных 2002, Бартминьский 2005, Зиновьева 2016].

Человек окруженный природой не может не воспринимать и не осмысливать различные ее проявления – в этом состоит во многом его когнитивная деятельность. Наблюдая и осмысляя социальные, психические, бытовые, космические и др. явления, связанные с разными аспектами материальной и духовной жизни, человек выделяет погодные явления [М.В. Пименова, 2005], о чем свидетельствует объем представленных в русском языке и отражающих эти явления устойчивых выражений – фразеологизмов, пословиц, сравнений.

Как следствие повседневных наблюдений в языке появляются не только прямые номинации наблюдаемых осадков (града, снега, дождя, мороси и др.), но и проведение аналогий между явлениями природы и жизнью и деятельностью человека, что фиксируется выражениями *появиться как дождь*; (свалился кто-л.) *как снег на голову*; *попасть из дождя в воду*; *Коли в мае дождь, будет и рожь*; *Либо дождик, либо снег, либо будет, либо нет*; *В дождь крышу не кроют, а в ведро сама не каплет* и т. д.

Внимание исследователей к явлениям природы, участвующим в жизнедеятельности человека – растительному и животному миру, воде и водным явлениям, небу и небесным светилам, временам года и т. д., – свидетельствует об **актуальности** их изучения, о возможности познания специфики национального видения мира через анализ отражаемых различными языковыми единицами стереотипных представлений. Интерес к этой проблематике проявляют многие ученые: Н.И. Маругина и Д.А. Ламинская,

А. Мазурик, В.И. Драчук, Л.Н. Гукова, Н.Ю. Перфильева, А.А. Рольгайзер, Р.Х. Хайруллина, Цзу Сюецин и др.

Система устойчивых словесных комплексов – сравнений, фразеологизмов, пословиц – является важным средством представления особенностей национальной лингвокультуры. Эта система универсальна с точки зрения межнациональной логики познания и уникальна – с точки зрения дискурсивного пространства определенного этноса [Л.Г. Золотых, 2013]. Между тем пласт устойчивых единиц русского языка, способных репрезентировать культурно значимые элементы менталитета народа, связанные с погодными явлениями, является недостаточно изученным. Мы имеем в виду в первую очередь наиболее важные и чаще других отмечаемые атмосферные осадки: снег, дождь и град.

В наши дни описание единиц языка как средства отражения национально-маркированных сведений, фиксируемых русским языком, во многом поддерживается исследованиями сопоставительного характера, выявляющими особенности культурно-национальных эталонов и стереотипов на материале самых разных пар языков [Алешин 2010, Ани Рахмат 2013, Бредис 2017, Иванова 2002, Кузнецова, Лукина 2016; Ле Минь Нгок 2011 и др.], в том числе с привлечением материала китайского языка [Лиин Юань 2016, Пи Цзянкунь 2014; У Вэй 2012, Юй Фэнин 2016 и др.].

Новизна нашего исследования определяется тем, что анализа и описания совокупности стереотипных представлений о трех основных видах осадков: дожде, снеге и граде, – сформировавшихся в национальном сознании и отразившихся в устойчивых выражениях и в современном дискурсе носителей русского языка, на фоне китайского языка, до сих пор не проводилось. Нами последовательно приводятся связанные с отдельными видами осадков признаки и ассоциации, вербализуемые средствами устойчивых выражений, с одной стороны, и иными языковыми средствами, репрезентируемыми образцами современного дискурса, – с другой.

В данной работе мы опираемся на опыт теоретической разработки лингвокультурологии и практический опыт в области когнитивных и лингво-

культурологических исследований Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, Е.И. Зиновьевой, Е.С. Кубряковой, В.А. Масловой, И.А. Стернина, В.Н. Телия, Г.А. Токарева и др.

Гипотеза исследования: лингвокультурологический подход к устойчивым сочетаниям русского языка и явлениям современного дискурса носителей русского языка, демонстрирующим вербализацию стереотипных представлений об осадках, и их исследование на фоне аналогичного китайского материала позволит выявить особенности универсального и национально-специфического в осмыслении важного фрагмента языковой картины мира.

Объектом исследования являются, русские и китайские устойчивые выражения с компонентами *снег, дождь, град*. Эти данные подкрепляют контекстами национальных корпусов русского и китайского языков, участвующими в репрезентации представлений об осадках в русской лингвокультуре на фоне китайской.

Предмет исследования – это содержание отражающихся в русском языке стереотипных представлений об осадках (дожде, снеге, граде), рассматриваемых на фоне китайского языка, степень их общности или национально-культурной специфичности.

Целью нашей работы является изучение системы признаков, охватываемых стереотипными представлениями об основных видах осадков, отразившимися в русском языковом материале – на фоне аналогичного материала китайского языка, и выявление как общности наблюдений в двух языках и культурах, так и их национально-культурного своеобразия в каждом из языков.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) познакомиться с исследованиями, составляющими теоретическую базу данной работы;
- 2) выявить семантику ключевых слов (*осадки, дождь, снег, град*) в русском языке и выбрать ориентиры для отбора устойчивых словосочетаний и их семантического и лингвокультурологического анализа;
- 3) отобрать массив устойчивых единиц, репрезентирующих стереотипные

представления о дожде, снеге и граде в русском и китайском языках;

- 4) проанализировать контексты из Национальных корпусов русского и китайского языков, содержательно связанные с предметной областью, включающей осадки в виде снега, дождя и града;
- 5) выявить и классифицировать стереотипные представления об отдельных видах осадков, отразившиеся в лексикографических источниках и речевом дискурсе, характерном для носителей каждого из языков;
- 6) выделить отраженную в устойчивых выражениях лингвокультурную информацию, установить культурно-национальные особенности в массиве стереотипных представлений о дожде, снеге и граде в русском языке на фоне китайского, а также универсальные признаки и представления, общие для двух языков.

Для реализации поставленных задач в исследовании используется ряд **методов**: прием сплошной выборки из сборников пословиц, поговорок и сравнений, применяемый для определения корпуса устойчивых выражений в русском и китайском языках; метод семантического анализа (по данным словарей); метод компонентного, контекстологического анализа; метод лингвокультурологического анализа; сопоставительный и описательный методы.

Материал составляют устойчивые выражения – фразеологизмы, сравнения и пословицы, почерпнутые из Большого словаря русских пословиц (2010), Большого словаря русских народных сравнений (2008), сборника «Пословицы русского народа» В.И. Даля (1984), из «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля и китайских толковых, двуязычных и фразеологических словарей. Всего в работе привлечено к анализу 287 русских и 234 китайских устойчивых выражения, данные 650 контекстов из «Национального корпуса русского языка» и 520 контекстов «Национального корпуса китайского языка». Обращение к национальным корпусам русского и китайского языков дало возможность наблюдения актуальных представлений в сегодняшнем сознании носителей русского и китайского языков.

Теоретическая ценность работы видится в выявлении совокупности представлений о значимых для русской и китайской ментальности явлениях природы и приоритетных для каждой из лингвокультур признаков, ассоциируемых с отдельными типами атмосферных осадков и отражающих как прагматические наблюдения, так и векторы их поэтического осмысления; в определении степени актуальности представлений, вербализованных устойчивыми выражениями двух языков, для современных носителей русских и китайских культур и языков; в выяснении экстралингвистических факторов, способствующих появлению специфических образов устойчивых выражений.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования ее результатов в рамках преподаваемых дисциплин – лингвокультурологии, фразеологии, лексикологии, межкультурной коммуникации, перевода. Сделанные наблюдения и материал могут также найти применение в лексикографической практике.

На защиту выносятся **следующие положения**:

1. Векторы осмысления в обеих культурах анализируемых типов осадков позволяют говорить о значительно более широком спектре ассоциаций, реализуемых носителями языка в литературной и речевой практике, нежели зафиксированные лексикографическими источниками.
2. Отдельные типы осадков – *снег, дождь и град*, обнаруживающие много общего в своей естественной природе и ее проявлениях, представляются – при известной доле общего в их видении – разными в их ментально-культурном осмыслении.
3. Значительное многообразие ассоциаций, связанных с дождем и снегом, по сравнению с представлениями о граде можно объяснить экстралингвистическими факторами – различиями в продолжительности и частотности наблюдаемых в жизни явлений, спектром их свойств и реальной утилитарной оценкой говорящими.
4. Представления об отдельных видах осадков образуют в каждой из культур систему признаков, актуализируемых говорящими, и складываются как из

практических наблюдений за реальными погодными явлениями, так и из связанных с ними ассоциаций, формирующих метафорическое восприятие.

5. Стереотипные представления об осадках в двух культурах и языках имеют много общего – особенно этой очевидно в отношении наиболее частотных признаков. Тем не менее в результате сопоставления возможно выявление и этномаркированных представлений, связанных с особенностями быта конкретного этноса, его традициями, условиями формирования ментальности. В русских устойчивых выражениях ощутима прагматичность, утилитарный подход и оценка анализируемых погодных явлений. В китайском же материале в большей степени проявляется связь сложившихся фразеологизмов с мифами и легендами, с традицией поэтизированного восприятия природы.
6. Массив устойчивых выражений, используемых современными носителями языка, с одной стороны, значительно сужается – в силу причин экстралингвистического характера, а с другой – пополняется новыми выражениями, актуализирующими отмеченные ранее признаки в новом семантическом направлении.

Результаты исследования прошли **апробацию** на 7 международных и всероссийских конференциях. Ход исследования и его результаты обсуждались на аспирантских семинарах кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания СПбГУ (2015-2018) и на фразеологическом семинаре при Межкафедральном словарном кабинете СПбГУ (2017). По теме данной работы опубликовано 6 работ, из них в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, – 3.

Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, включающего наименование 20 научных исследований.

Основное содержание выпускной квалификационной работы

В первой главе **«Теоретические основы изучения одного языка на фоне другого в аспекте выявления этномаркированных особенностей языка и культуры»** рассматриваются такие вопросы как сущность и предмет

лингвокультурологии и ее место среди других дисциплин, единицы изучения в лингвокультурологии и их терминологическое содержание, языковая картина мира и фразеологическая картина мира, роль устойчивых единиц в отражении мировосприятия, характерного для представителей определенных культуры и языка.

Актуальность *лингвокультурологии* как науки объясняется учеными способностью человека – в отличие от всех других существ – обладать культурой, которая зародилась и утвердилась с накоплением знаний в человеческом обществе.

Возможность частых контактов носителей разных культур и языков также усиливает важность способов и средств оптимизации межкультурной коммуникации. Изучаемый язык другой страны способен приоткрыть образ мыслей его носителей, систему взглядов на окружающий мир и шкалу ценностей народа. Язык является, по В.А. Масловой, средством «накопления и хранения культурно-значимой информации», особым, словесным, способом представления мира.

Роль языка в аспекте лингвокультурологии определяется следующим образом: это изучение способов, которыми язык воплощает в своих единицах и тем самым хранит и транслирует культуру [Маслова 2001: 35]. Признавая несомненную взаимосвязь языка, мышления и культуры, С.Г. Тер-Минасова пишет, что все вместе «они соотносятся с реальным миром, противостоят ему, зависят от него, отражают и одновременно формируют его видение и отношение к нему» [Тер-Минасова 2008: 24]. В.В. Красных указывает на непосредственную связь «с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [Красных 2002: 12]. Как пишет Е.И. Зиновьева, важнейшее значение в рамках лингвокультурологии придается исследованию различных способов представления знаний о мире носителей того или иного языка через изучение языковых единиц разных уровней, речевой деятельности, речевого поведения, дискурса, что обеспечивает – через описание этих объектов – раскрытие значения анализируемых единиц, его оттенков, коннотаций и ассоциаций, отражающих сознание носителей языка [Зиновьева

2016: 12].

В качестве *единиц изучения в аспекте лингвокультурологии* в трудах исследователей выступают явления, терминологически именуемые как *лингвокультурема, логоэпистема, концепт, стереотипное представление, прототип, символ, эталон, код культуры, прецедентный феномен, культурный смысл* [Воробьёв 1997; Верещагин, Костомаров 2005; Воркачёв 2001, Красных 2002, 2005; Ковшова 2007, Колесов 1999, Караулов 1987, Сорокин 1993, Юань Лиин 2016] и др. В данной работе мы будем оперировать терминами «стереотипное представление» и «лингвокультурная установка».

Важность стереотипов в формировании и описании языковых и культурных явлений в настоящее время не подвергается сомнению. К этому термину прибегают, решая вопрос об источниках приобретения знаний, языковых механизмах, участвующих в формировании разных типов знания [Косяков 2009: 3] и способах его вербального представления. Так, к языковым стереотипам относят суждения об определенном объекте внеязыкового мира, субъективно представляющие предмет, содержащие описательные и оценочные признаки, являющиеся «результатом трактовки действительности в рамках социально выработанных познавательных моделей» [Андреева 2010]. Функцию стереотипов выполняют во многом идиомы, формулы, устойчивые сравнения, пословицы.

Под *стереотипным представлением* нами, вслед за В.В. Красных, понимается в данной работе «фиксированная ментальная “картинка”, являющаяся результатом отражения в сознании личности “типového” фрагмента реального мира, некий инвариант определенного участка картины мира» [Красных 2002: 178]. Стереотипные представления во многом формируют и отражают наивную картину мира и потому привлекаются в качестве единиц, участвующих в описании языковых и культурных явлений. К таким фрагментам языковой картины мира могут быть отнесены и рассматриваемые в данной работе представления об осадках – дожде, снеге и граде.

Одной из форм реализации стереотипных этномаркированных представлений являются *лингвокультурные установки*, которые часто выявляются при анализе

законченных суждений – в первую очередь, таких, как пословицы, которые привлекаются к анализу и в данной работе. В.Н. Телия, отмечая культурную значимость языковых единиц, их лингвокультурологический потенциал, понимает под установкой культуры «ментальные образцы, играющие роль прескрипций для жизненных практик» [Телия 1999: 18]. Н.Н. Семенов говорит в своих работах, посвященных изучению паремий, о мировоззренческих установках национального сознания, в которые включаются образная репрезентация характеризуемой пословицей ситуации и её оценка [Семенов 2011: 217], некое одобряющее или порицающее отношение носителей языка к высказываемой в паремии идее или представляемой в ней модели поведения. Универсальные, культурные установки могут вербализоваться в разных языках особым образом, что определяется рядом лингвистических, прагматических и культурологических факторов.

А по мнению В.А. Масловой, установки культуры есть имеющиеся у каждого народа определённые идеалы, которые «вырабатываются на протяжении исторического пути, проходимого народом, который откладывает в социальной памяти и формирует установки» [Маслова 2001: 50]. Сюда же относятся и правила, упорядочивающие жизнь членов общества.

Короче говоря, стереотипные представления, участвующие в отражении определённого фрагмента языковой картины мира, являются важным элементом нашего исследования, единицей, которой мы пользуемся для направленного выявления национально-культурной специфики языка. Национально-культурное своеобразие в каждом языке может проявляться на уровне установок культуры, отражающих принятое в сообществе носителей языка определённое прочтение предъявляемой (вербализуемой языковыми единицами) информации, типичные оценочные позиции, уровень общественного сознания.

Одним из первых на содержание языка и мышления, отмеченных национальной спецификой, обратил внимание В. фон Гумбольдт, отметивший, что различные языки «являются для наций органами их оригинального мышления и восприятия» [В. фон Гумбольдт 1985: 324]. Языковая картина мира

признавалась исследователем зависящей от восприятия мира человеком, подвижной, динамичной.

Картина мира, понимаемая в общем смысле как «упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном сознании» (З.Д. Попова, И.А. Стернин), лингвокультурологов интересует, в первую очередь, как типичная для обыденного сознания определенного коллектива схема восприятия действительности, зафиксированная в языке [Яковлева 1994: 9]. Будучи одним из важных понятий лингвокультурологии, языковая картина мира получает разнообразные, но отнюдь не противоречивые трактовки. Языковая картина мира постигается за счет изучения разных языковых единиц, и фразеология в широком смысле – поговорки, пословицы, устойчивые сравнения – являются благодатным материалом, демонстрирующим особенности мировоззрения носителей языка [Максимовских 2009: 90].

Ю.А. Бельчиков же видит в языке средство отражения явлений не только духовной сферы. Будучи зеркалом жизни народа, язык способен закреплять в своих единицах – в первую очередь в лексике и фразеологии – сведения о самых разных явлениях народной жизни, отрицательных и положительных её сторонах, фактах истории и культуры, фиксировать факты как давно ушедшего времени, так и современности, «народный склад ума» и внутренний мир человека [Бельчиков 2009: 277-278].

М.В. Пименова считает, что языковую картину мира составляют ментальные модели, отображающие и фиксирующие в языке мировоззрение определенного сообщества [Пименова 2001: 20]. Выделив несколько разновидностей картины мира – фольклорную, мифологическую, религиозную, философскую, научную, обыденную, концептуальную», М.В. Пименова отметила и проиллюстрировала примерами несовпадение научной и наивной картин мира, но при этом – несомненную связь концептуальной и языковой картин мира: «Языковая картина мира эксплицирует компоненты концептуальной картины мира, является единственным средством доступа к национальной концептуальной системе» [Пименова 2011: 40, 146].

По мнению В.И. Карасика, языковая картина мира есть отраженный в языке посредством системы образов исторический и ментальный опыт народа, говорящего на данном языке. Она составляет часть ментальной картины мира, в ней можно выделить «определенные области или аспекты, такие, как, например, ценностная, эмотивная или юмористическая языковые картины мира» [Карасик 2004: 198].

Таким образом, в данной работе под языковой картиной мира понимается вслед за О.А. Корниловым, запечатлённый в лексике и фразеологии национального языка так называемый «отражённый мир», который является проекцией внешнего мира, производимой этническим языковым сознанием и несёт в себе информацию об особенностях национальной ментальности [Корнилов 2000].

Интерпретация фразеологизмов как культурных знаков осуществляется в рамках изучения *фразеологической картины мира*, которая в работе понимается как часть языковой картины мира, описанной средствами фразеологии. Фразеологизмы можно рассматривать как единицы лексико-фразеологического словаря языка, отражающего в совокупности пропущенные через призму ментального восприятия сведения об окружающем мире, или же выделять особый подход, состоящий в соотнесении только фразеологических единиц языка – сравнений, идиом, пословиц и проч. – с «таксонами культуры», результатом которого является содержание национально окрашенной культурной коннотации [Телия 1996: 253].

Раз каждый оборот является элементом системы и «выполняет определенные функции в описании реалий окружающей действительности» [Хайруллина 165: 13], мы считаем, что фразеологическая картина мира представляет собой универсальную, т.е. имеющуюся в любом из языков, образную систему особых языковых единиц, передающих своеобразие национального мировидения.

Лингвокультурологический потенциал фразеологизмов – в самом широком понимании, т.е. включая устойчивые сравнения, поговорки, пословицы, – базируется на том, что фразеологический фонд каждого этноса

репрезентирует в яркой, запоминающейся, этномаркированной форме события и факты истории, предметы и явления окружающего мира и свое отношение к ним. Во фразеологии, как пишет Л.П. Юздова, можно выявить глубинные философские воззрения человека и представления об окружающей его реальности, «понять истоки современной духовной культуры нации», увидеть особую ценностную картину мира [Юздова 2009: 123]. Благодаря фразеологическим средствам можно воссоздать спектр актуальных для носителей определенного языка и типичных для них эмоций [Зверева 2002].

В развитие *сравнительно-сопоставительного лингвокультурологического* и когнитивного *анализа* значительный вклад вносят работы, в которых данные русского языка рассматриваются на фоне материала английского, немецкого, шведского, словацкого, вьетнамского, японского, хорватского и др. языков – А.С. Алешина, Харри Вальтера, С.Г. Воркачева, М.Л. Ковшовой, И.В. Кузнецовой, Н.Н. Изотовой, В.А. Пищальниковой и В.В. Киселева, Ле Минь Нгок, Е.В. Ничиропчик, Е.Г. Стешиной, Жельки Финк-Арсовски, Т.А. Эмих и др. Так, китайский исследователь Пи Цзянкунь рассмотрел оппозицию *правда-ложь*, вербализуемую паремийными средствами в двух языках, и выявил характерные для двух культур стереотипные ценностные представления, установки и эталоны. Им был разработан алгоритм лингвокультурологического анализа пословиц, включающего выделение ментальной установки лингвокультуры, репрезентируемой анализируемыми единицами, определение ее двойственности или однозначности, характеристику образа, лежащего в основе паремии, и пословичных биномов [Пи Цзянкунь 2014].

Выявление типичных представлений, аксиологических векторов, лингвокультурных установок, этнокультурных стереотипов и т. д., осуществляемое на материале устойчивых выражений – сравнений, поговорок, пословиц, дает яркое представление о специфике ментально-культурного осмысления значимых для носителей языка явлений окружающего мира. Так, И.С. Просвирнина и Шао Жуй, изучая устойчивые выражения в русском и китайском языках, отражающие представления о скромности, отмечают, с одной

стороны, существенные черты сходства во фразеологии двух языков и близость используемых культурных кодов, а с другой – очевидное несовпадение выделяемых в двух языках классов фразеологизмов, паремий и метафор, их структурное, семантическое и стилистическое своеобразие, бóльшую характерность китайских устойчивых выражений для письменной речи [Просвирнина, Шао Жуй 2013: 101].

О важности представлений об осадках, характеризующих важный фрагмент языковой картины мира, свидетельствуют как работы, косвенно касающиеся таких явлений, как снег, град, дождь, морось, иней и проч. [А.А. Чемерчева 2006, В.П. Васильев 2003, 2007; Е.Б. Рябых 2006, А. Мазурик 2006, И.А. Тарасова 2012, Т.Н. Тимкова 2013, М.В. Домбровская 2006], так и исследования, целенаправленно обращающиеся к изучению способов вербализации погодного кода в определенной культуре. Так, Н.Ю. Перфильева отмечает в русской языковой картине мира в качестве сущностных отличий концепта «Погода» такие черты, как статичность и нейтральная коннотация, «доминирующее восприятие в качестве решающего фактора, не подвластного влиянию человека», а в английской языковой картине мира, по ее мнению, реализуется признак процессуальности и ощущается негативная коннотация, связанная «с неприятным, с тем, что нужно пережить» [Н.Ю. Перфильева, 2008]. Интересный подход демонстрируется в работе В.П. Васильева, анализирующего словную организацию когнитивного содержания концепта «Дождь» в русском языковом сознании и выделяющего различные его признаки физического, территориального, консистенциального, квантитативного, интенсивного, аксиологического свойства [Васильев 2007: 163-164].

Во второй главе **«Национально-культурные особенности вербализации представлений о снеге, дожде и граде в русском и китайском языках»** проводится лингвокультурологический анализ стереотипных представлений русских и китайцев об основных видах осадков – снеге, дожде и граде – с целью определения национально-маркированного и универсального.

В разделе 2.1. **«Стереотипные представления о снеге в русском и**

китайском языке» анализируется – на основании данных лексикографических источников, включающих словари сравнений, поговорок и пословиц, а также материалов Национальных корпусов русского и китайского языков – совокупность представлений, связанных со *снегом* в русской и в китайской культурах.

Русский язык (2.1.1.) располагает довольно значительным рядом слов – названий явлений природы, связываемых со снегом, например: *буран* ('снежная буря в степи'), *капель* ('падение с крыши, веток капель тающего снега'), *позёмка* ('ветер, поднимающий слой снега с земли'); *мокрый снег* ('снег с дождем'), *снег крупной, крупчатый* ('снег пополам с мелкими градинками'), *мартовский ноздреватый снег* и др. [Русский семантический словарь 3: 62]. Представления о снеге вербализуются и устойчивыми оборотами – сравнениями, фразеологизмами, пословицами: *снег полоть, как снег в голову; Бабушка надвое сказала: то ли дождик, то ли снег, то ли будет, то ли нет.* В русском языке существует и немало загадок о снеге: *Скатерть бела, весь свет одела; На дворе в холоде горой, а в избе водой* ('снег'); *К божьему мясоеду гусей щиплют* ('снег идёт'); *Белый лебедь на яйцах сидит* ('поля, покрытые снегом'). Все это свидетельствует о важности стереотипных представлений о снеге, отражающихся в русской языковой картине мира. В толковых словарях русского языка снег квалифицируется как относящийся к осадкам (выпадающим сверху), имеющий белый цвет и особые форму и структуру («в виде белых звездообразных кристалликов или хлопьев»). Существенным отличием снега от града и дождя является представление о нем в русском сознании как о способном образовать снежный покров (покрывало), лежать на земле, под ногами, образовывать толстый (глубокий) слой.

Отдельное внимание (2.1.1.1.) уделяется ***представлениям о снеге, репрезентируемым устойчивыми выражениями русского языка и подкрепляемым данными современного дискурса.*** Средствами русского языка репрезентируется весьма широкая шкала разнообразных признаков снега. Как единицы народного происхождения, весьма активны в фиксации зависимости между количеством снега и перспективой хорошего урожая русские пословицы:

Снег – крестьянское богатство; Больше снега на полях, больше хлеба в закромах; Снег глубок – хлеб хорош, зима без снегу – не быть хлебу. Таяние снега весной обеспечивает землю обильной влагой: Снегу надует, хлеба прибудет; вода разольётся, сена наберётся. Снег здесь воспринимается как залог обеспечения едой: крестьян – хлебом, а скота – травой.

Ассоциации снега с **большим, безграничным количеством** – одна из самых частотных; разные оценки восприятия и оценки этого множества отразились в следующих устойчивых выражениях: *как снега <зимой> – 'много'*; ср. в современном дискурсе: «За окнами поезда снега – как грязи, И грязи – как снега зимой. В соседнем купе отходняк у буржуев. Из радиоточки сипит Расторгуев, Что скоро вернется домой ([Дмитрий Быков](#). Блаженство 2017. Poetry). Отсюда и развивающийся оттенок значения 'достаточность, избыточность', объясняющий появление иронической констатации и отрицательной оценки скупости, жадности человека через образ выпрашиваемого снега: *У жадного (скупого) среди зимы снега не выпросишь; не выпросить снег среди зимы у кого-л.* На этом же признаке основан и оборот о чьей-л. способности *продать снег зимой*, что является свидетельством редкой предприимчивости, так же, как и выражение *продать снег эскимосам*. Актуальность этих оборотов подтверждается многочисленными примерами современного дискурса.

В основу устойчивых выражений легли и такие признаки снега, как 'недолговечность, временность', объясняемая способностью 'таять', 'исчезать бесследно'. Ср.: *таять как снег <под солнцем>* (Поголовье крупных животных *таяло, как снег* [Александр Грудинкин. Первые люди и последние мегазвери Америки; деньги *тают как снег под солнцем...*]; *Материнский гнев, что вешний снег: и много его нападёт, да скоро изникнет*. Недолговечность связывается как с первым снегом – он, как правило, не ложится сразу и надолго (*Исчезать как первый снег; Снег первый хоть и чист, да обманет – зима в одну ночь не настанет; Обманчив первый снег*), – так и с последним, апрельским: *растаять как апрельский снег*, где компонент

апрельский ('поздний, несвоевременный, неспособный лечь толстым слоем') усиливает семантику 'быстрота исчезновения'. Ср. также обороты *искать прошлогодний снег, исчезнуть как прошлогодний снег*.

Как известно, русская парная баня предполагает процедуры, состоящие в чередовании горячего пара и резкого охлаждения. Об использовании для этого снега отразилось в пословице *Снегом да паром, так не будешь старым*.

Важным для русского языкового сознания оказывается и время выпадения снега. Так, национально окрашенными, отражающими русские народные традиции, являются пословицы, в которых прослеживается связь свадьбы и замужества с появлением снега: *Бел снег землю прикрывает, не меня ли, молодую, замуж снаряжают*. Первый снег обычно выпадает к 14 октября – Празднику Покрова Святой Богородицы, – когда становится холодно (*Покров – закрывай коров; Покров, напусти нашу хату без дров*), а цикл полевых работ к этому времени обычно заканчивался и до весны наступала пора отдыха, поэтому свадьбы обычно откладывались на осень; ср.: *Придёт Покров, девка голову покроет*. Значение оборота *покрыть голову* – 'выйти замуж, выдать кого-л. замуж' идет от традиции, согласно которой замужней женщине не пристало ходить с непокрытой головой. В выражении *Батюшка-Покров, покрой землю снежком, а меня, молодую, женишком* отразилась, вероятно, и ассоциация белого цвета снега и фаты невесты как символа ее чистоты и невинности.

Белизна снега как наиболее яркий его признак лёг в основу сравнений *белый как <первый> снег, белее снега белого*, указывающих в речи на белизну самых разных предметов и явлений – стен церкви, материи и одежды, меха, соли, мебели, зданий, клубов дыма, цветущих деревьев и проч. Ср.: княжеский конь, *белый, как снег*. Признак белизны снега широко представлен и в паремиях: с одной стороны, белизна противопоставлена «непитательности» снега и бесполезности в этом смысле: *Белый снег, да никто его <не>ест; Бел снег, да ногами топчут, черен мак, да люди едят; Снег белый, да не сыр, зять милый, да не сын*.

Белый цвет в русской культуре ассоциируется с чистотой (*чистый как снег*)

Однако чаще это сравнение используется в переносном смысле, ассоциируясь с невинностью, чистотой помыслов, незапятнанностью. Ср.: *душа бела, как снег*; *Она была чиста, как снег зимой*. В грязь соболя! Иди по ним по праву. Но вот мне руки жжет ее письмо, Я узнаю мучительную правду (Владимир Высоцкий).

Неожиданность выпадения снега как первый знак приближения зимы – одно из регулярно вербализуемых представлений, несмотря на регулярность его появления каждый год.оборот *как снег в (на) голову* приводится всеми словарями устойчивых выражений и очень активен в речи носителей русского языка: *Её бывший муж, только что овдовевший, свалился как снег на голову*, и придётся с ним повозиться [Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света]. С этим связано и представление о важности своевременности снега как гарантии хороших урожаев: *Хороший тот снег, когда бывает во время своё*. Именно поэтому в иных условиях снег выступает в устойчивых выражениях как эталон бесполезного, излишнего, утратившего свое значение: *нужен как летошний снег; рад, что ланскому снегу* ('прошлогоднему').

В устойчивых выражениях отразились также толщина (глубина) слоя выпавшего снега (*Зимой съел бы грибок, да снег глубок*), его водные свойства, «негорючесть» (*Коли умеешь взяться за дело, так и снег загорится, а не умеешь — и масло не вспыхнет*), способность выпавшего снега замести, скрыть, утаить (*Снег всё скроет, метель занесёт*), ассоциация с холодом, низкой температурой (*Снег холодный, а от стужи укрывает*), связь с дождем (*снег – 'заменяющий зимой дождь'* – В.И. Даль; *На одном часу и снег и дождь*). Ср. выражение *Ну, был бы дождь, да снег помешал* – здесь оба природных явления воспринимаются как одинаково отрицательно влияющие на обстоятельства жизни человека.

Примеры современного дискурса расширяют картину вербализуемых представлений за счет признаков, не отмеченных в лексикографических источниках либо иначе акцентируемых (2.1.1.2.). Так, для многих городских жителей снег нередко становится темой разговоров, связанных с

необходимостью убирать тротуары и дороги, особенно во время обильных снегопадов, т.е. с создаваемыми им неудобствами. Говорящие, описывая время года и погоду, фиксируют выпадение снега и его таяние как знаки происходящих в природном цикле изменений – часто аномальных. По существу, снег оценивается с позиции его своевременности и уместности. Лексема снег демонстрирует широкую сочетаемость с глаголами, отмечающими количество, продолжительность, характер выпадения снега (снег *кипел, кружился, вихрился, летел*; снега *не досталось, «делёж снега»*), связанные с ним звуки или, наоборот, их отсутствие (*скрипит, повизгивает, трещит, хрустит* и др.), и с признаковыми прилагательными, характеризующими живописность снега, его восприятие говорящими (*серый, косматый, зловеющий* и др.). Цветовое восприятие снега может отличаться от признания за ним только лишь белизны. В реальной жизни снег может быть и грязным, и серым, и коричневым, поскольку он «соседствует» с человеком, осуществляющим разнообразные виды деятельности. Говорящие знают о таком свойстве снега, как липкость, возможность придания ему формы (*лепить историю, как снег*), ассоциируют его с радостным настроением или, наоборот, с унынием и скукой.

Таким образом, отразившиеся в русской языковой картине мира стереотипные представления о снеге проявились как в устойчивых выражениях, так и во многих контекстах современного дискурса носителей русского языка.

В подразделе 2.1.2. **«Осмысление снега в китайской культуре и его отражение в языке»** рассматриваются основные стереотипы, связанные с восприятием снега в китайском языке. Представления о снеге в двух лингвокультурах совпадают в таких аспектах, как связь снега с высокими урожаями, белизна снега (букв. о чем-л. «цвета снега, белоснежном»; «в волосах появился снег, а усы покрылись инеем» – ‘о седом’), способность сохранять на снегу отпечатки чего-л., выпадать в большом количестве (букв. «сыпаться хлопьями снега») и др.

Своеобразием отмечены ассоциация снега со стихами высокого стиля –

выражение 白雪 (букв. «белый снег солнечной весной») происходит от названия старинной мелодии и используется для номинации произведений литературы или искусства, возвышенных, утонченных, в отличие от 音乐 (букв. «Место и люди, где музыка написана») – в значении 'лёгкие жанры, популярные, простонародные'.

Весьма типичным для китайской культуры является использование устойчивых сравнений с образом снега как эталона белизны для характеристики цветущих деревьев – сливы, груши, вишни: Недавно увидела цветы вишни из города Наньцзин, они красивые как облако, как снег [Сяо Мо. Память о путешествии в евре]; Несколько сливовых деревьев, пренебрегая холодом, одиноко цветут. Издалека узнаешь — это не снег, оттого, что доносится смутный аромат [Ван Аньши. Цветы сливы].

Этномаркированным представляется осмысление снега, с одной стороны, как эталона своевременно происходящего, уместного события (букв. «снегопад начался в своё время», т.е. 'вовремя'), с другой – как символа **бедствия, несчастья, трудных жизненных обстоятельств**. Ср. 雪灾 (букв. «на снег ещё и иней» – 'Несчастье за несчастьем'. Аналогичное представление реализуется в русской лингвокультуре с помощью образа дождя.

В разделе [2.2. «Вербализация стереотипных представлений о дожде в русском и китайском языках»](#) описываются устойчивые ассоциации с дождем как погодным явлением в разных его проявлениях, подтверждаемые данными словарей и современного речевого дискурса.

В словарях русского языка основное содержание слова «дождь» определяется как номинация 'атмосферных осадков в виде капель воды или струй, выпадающих из облаков' облаков'. Второе и третье значения русского слова связаны с семантикой «много»: 2. 'перен. Множество, большое количество чего-л. падающего, сыплющегося', 'Множество, непрерывный поток, обилие чего-л.'; 3. в знач. нареч. дождём – 'Обильным потоком, во множестве; подобно дождю'.

Фразеологизм *золотой дождь*, используемый для наименования больших,

неожиданно появившихся денег, также поддерживает семантику множественности, обильности – это, безусловно, главный признак, приписываемый дождю, в достаточно сложной и разнообразной системе ассоциаций и представлений.

Аналогия между большим (неисчислимым) количеством капель дождя и значительным количеством предметов, совершающих стремительное движение (падение, полёт) в определенном направлении, чаще вниз, лежит в основе сравнения *валиться (сыпаться, лететь) как дождь (дождём)* – ‘О множестве чего-л. густо, плотно сыплющегося, летящего’; ср. также: *как дождя* чего-л. у кого-л. – ‘о множестве’. Речь может идти о различных предметах – как материальных (артефактах), так и неких абстрактных явлениях.

Весьма характерным для русского речевого дискурса является сопоставление с дождем падения в огромном количестве различного вида снарядов (*Осколки сыпались, как дождь* [А. А. Авдеев. Дневник] – аналогичное восприятие отмечено и для слова *град*. Речевые реплики разной прагматической направленности (комментарии, обвинения, замечания и проч.) также характеризуются оборотом *сыпаться дождем*.

В устойчивых выражениях проявился такой признак дождя, как непредсказуемость, неожиданность его начала и окончания (*появиться/ подняться как дождь* и *исчезнуть как дождь*; ср.: *как снег на голову*), способность вымочить попавших под него (*дождем не смочить* кого-л. – ‘о большом скоплении людей’; пословица *Мокрый дождя <а нагой разбою> не боится* – ‘о человеке, которому нечего терять’) и доставить тем самым неприятности: *ровно дождем намочило* кого-л. – ‘о нахмурившемся, нахохлившемся, надувшемся человеке’; *ходить как дождём прибитый* – ‘смутный, вялый’. Ср. также пословицы *Дождик вымочит, солнце высушит; Дожди мочат – не размочат*.

Отдельный большой блок составляют выражения, отражающие важность дождя для растений, для жизни: *Без дождя виноград не роден; Будет дождик – будут и грибки, а будут грибки – будет и кузовок; От бога дождь, а от дьявола*

ложь.

В отличие от снега, для которого признак «температура», «холодный» является весьма типичным, дождь может характеризоваться антонимичными прилагательными, дающими позитивную или негативную оценку: *теплый, прохладный, холодный, ледящий, противный, мерзкий* и др.

Достаточно устойчива лингвокультурологическая установка «От дождя нужно прятаться укрываться»: *Дырявая крыша – от дождя не прибежище; Крытому боку и дождь нипочем*. В русских выражениях указывается на бесполезность сомнительного укрытия: *От дождя под бороной не спасешься (не спрячешься); Поприкрылся цыган неводом от дождя*. Отсюда и обороты *Ни от дождя ухороны, ни от стужи обороны; Ни от ветру затулья, ни от дождя покрывки* – со значением 'о бесполезности принятой меры или неотвратимости чего-либо, беззащитности. На бедность, отсутствие самого необходимого у человека указывает выражение *Дождем покрыто, поле огорожено* – здесь вместо крыши над головой выступает сам дождь. Эти признаки вербализуются и в речи современных носителей русского языка.

В пословицах компонент *дождь* выступает и как символ неприятности, невезения, огорчения: *Наше счастье – дождь да ненастье* – 'о невезучем, неудачнике; о невезении'; о смене одной неприятности другой – *Быть было ненастью, да дождь помешал* [Даль. Пословицы...]. Оба компонента – *ненастье* и *дождь* – обретают в составе пословиц способность передавать значение 'печаль, плохое настроение, беда': *На сердце ненастье, так и в ведро дождь*. Здесь хорошо ощущается семантическая связь между словами *дождь* и *ненастье*, образующими своеобразную синонимическую пару. Ср. пословицы: *У кого на сердце ненастно, тот хмур и в ясный день. Однажды дождь шел дважды* 'двойное несчастье', *тихой дождь* 'длительное, затяжное несчастье'. Такое осмысление дождя наблюдается и в современном употреблении – например, в песне «У тебя на сердце дождь» (И. Круг, М. Круг), где дождь символизирует печаль. Осмысление дождя как опасности проявляется и во фразеологической характеристике смелого человека: *ни дождя ни облою не боится*. Та же

ассоциативная линия лежит и в основе поговорок (*попасть*) *от дождя да в воду, от дождя да под капель* со значением ‘из одной неприятной ситуации в другую’, образованных по распространенной модели (ср.: *От волка бежал, да на медведя попал*).

Актуальными для говорящих являются и обороты *лить как из ведра, лить как нанятый* – ‘об обильно выпадающем, о продолжительном дожде’.

В подразделе 2.2.2. «**Осмысление дождя в китайской культуре и его отражение в языке**» описываются устойчивые ассоциации с дождем как погодным явлением, отмеченные в китайском языке. В китайской иероглифике в знаке дождя графически изображены падающие капли, а словарная трактовка слова близка к русской традиции: букв. ‘Дождь – это вода, которая выпадает из облаков на землю’.

В устойчивых выражениях китайского языка, зафиксированных в словарях, и в материалах Национального корпуса китайского языка очевидно как положительное отношение китайцев к дождю, так и его отрицательное восприятие.

Дождь как природное явление (雨) приносит пользу крестьянам, занятым сельскохозяйственными работами: он поливает посевы и способствует получению хорошего урожая. В китайском языке с этим словом (иероглифом) существует много устойчивых выражений, свидетельствующих о важности хорошей погоды – с дождем: 雨霖霖 (букв. «Пролей дождь на поля моего господина»). Понимание несомненной пользы дождя, позитивная оценка животворной влаги отразилось в сравнительном обороте 雨後春笋 (букв. «как побеги бамбука после весеннего дождя») – ‘появляться в большом количестве’. Дождь как залог успешного произрастания посевов, источник необходимой влаги, питания, развивает и переносное значение, поэтому в идиоматических выражениях дождь может символизировать «питательные вещества», «необходимую помощь». Понимание дождя как благодеяния, ниспосылаемого свыше, как проявления доброты, обнаруживается в обороте 雨後送 (букв. «дождь идёт, милости ниспосылаются») – ‘о благах, получаемых от кого-л. в изобилии’. Восприятие дождя как своевременного,

долгожданного и потому желанного – один из признаков, сформировавшийся за долгую историю хозяйственной жизни китайского крестьянина. Отсюда и трактовка дождя, легшая в основу переносных значений ‘приятный сюрприз’, ‘реализация давней мечты’.

Отрицательное отношение к дождю проявляется в следующих представлениях, вербализованных средствами китайского языка. *Дождь* как знак плохой, нежелательной погоды часто ассоциируется с ветром и поэтому мы встречаем в устойчивых выражениях комбинацию «дождь + ветер», обозначающую трудные погодные условия и – в переносном смысле – любые трудные жизненные ситуации. Это сочетание компонентов входит в обороты, ассоциируемые в сознании носителей китайского языка с неудобствами, трудностями, невзгодами, например: 风雨交加 (букв. «порывы ветра и удары дождя») – ‘неприятности и невзгоды’. Сочетание ветра и дождя стало в китайской культуре символом **большой неприятности, несчастья**; ср. также: букв. «ветры и дожди (грозы) сменяют друг друга» – ‘несчастье за несчастьем, беда за бедой; сплошные беды’.

Как и в русской лингвокультуре, носители китайского языка видят в дожде проявление множественности, обильности. В первую очередь речь идет о жидкостях, каплевидных субстанциях: 泪如雨下 («слёзы полились из глаз, как дождь») – ‘горько плакать; рыдать’. В китайской культуре с дождем ассоциируется и значительное количество людей; ср. рус. *дождем не смочить* – ‘много людей’ и кит. 多如牛毛 (букв. «мудрецов как дождя») – ‘чрезвычайно много мудрецов’. С потоками дождевой воды могут ассоциироваться и потоки крови.

В древнем Китае считалось, что во время дождя, когда неудобно заниматься полевыми работами, разумно принимать дома друзей, поэтому дождь с древних времен стал ассоциироваться с дружбой, встречей друзей. 风雨同舟 (букв. «друзья ещё раз встретились во время дождя») – ‘вновь встретить старого друга’.

Дождь эмоционально окрашен в китайской культуре: он ассоциируется с

грустью, печалью, тоской, что проявляется, например, в обороте □□□□ (букв. «облако тоскует, дождь жалуется») – ‘печальное настроение при разлуке’. Особое осмысление дождя как явления романтического обнаруживается в оборотах, связанных – благодаря китайскому преданию – с представлениями о любви, страстных встречах и разлуке.

Наш анализ позволил увидеть много общего в характерных для русской и китайской лингвокультуры представлениях о дожде (степень интенсивности и продолжительности; неожиданность, непредсказуемость; невзгоды, неприятности и т. д.), но также и этномаркированные представления. В русском языковом сознании отсутствуют ассоциации с малым результатом по сравнению с неоправданно большими усилиями, с разлукой, романтическим свиданием, любовью, с неудобством.

В разделе [2.3. «Стереотипные представления о граде, отразившиеся в русском языке на фоне китайского»](#) представлен спектр признаков и ассоциаций, связанных с градом как метеорологическим явлением – как общих для двух языков и культур, так и этномаркированных.

На основе приводимых словарями русского языка прямых значений слова *град* можно выделить такие элементы стереотипных представлений, как ‘осадки’ (‘вода, выпадающая с неба’), ‘замороженный (дождь □лед, т.е. дождь <с> градом)’, ‘мелкий’, ‘круглый (округлый)’, ‘частый’, ‘обильный (сильный град)’, ‘наносящий урон’ (*Градом побило посеvy*) [Русский семантический словарь 3: 144]. Всеми толковыми словарями приводятся переносные значения, реализуемые преимущественно в словосочетаниях. Однако если в словаре В.И. Даля переносное значение лексемы *град* – ‘множество, большое число’ распространяется только на «оружие», имеющее убойную силу (*град пуль, град ядер*) – с актуализацией сем ‘частота/ густота падения’ и порождаемой этой ассоциацией семантикой ‘опасность’, ‘гибельность’, то более поздние словари распространяют это значение на разнообразные предметы. Отдельно словари выделяют употребление слова в форме *градом* – чаще в сочетании со словом *пот*, но

также и в иных сочетаниях со словами, обозначающими обильно, непрерывно стекающую крупными каплями жидкость: *Пот градом* – ‘крупными и частыми каплями’; *слезы градом* и *слёзы [катятся (льются)] градом* – ‘о чьих-л. крупных и обильных слезах, о сильном плаче, рыданиях’.

В русских пословицах отразился исключительно сельскохозяйственный аспект восприятия града: *Весной град – всякий рад* – в этой паремии град получает положительную оценку в отличие от выражения *Побило градом хлеб и у соседа, да тем мой не встанет* [Даль. Пословицы...], актуализирующего семантику ‘ущерб’, ‘гибельность’. Словарь устойчивых сравнений приводит обороты с эталоном *град*, отражающие преимущественно актуализацию признаков ‘обильный’, ‘частый’ и связь с военными ударами и физическими побоями.

В речи носителей русского языка частым является так называемое «речевое» значение лексемы *град* – ‘о последовавших в большом количестве речевых нападках на собеседника’, например: Тема работы и отношения к ней вызвала целый *град сентенций* блатняцкой философии. [Г.Г. Демидов. Амок].

Использование града как эталона в составе компаративных конструкций свидетельствует о том, что современными носителями русского языка образ града связывается с большой частотой появления чего-либо, с множеством мелких предметов округлой формы; ассоциируется с определенным шумом – проводится аналогия между рядом громких дробных звуков и стуком града. Отмечены в контекстах и семантические оттенки ‘холодный, ледяной’; ‘неожиданно’, ‘незаслуженно’; ‘бесполезный’; ‘отвесный’, ‘крупный’ – в необычном сравнении дождя с градом.

В большей части контекстов, где слово *град* выступает в сочетании с существительным в родительном падеже (*град неудач, молний, замечаний* и т. д.), проявляется отрицательная оценочная коннотация. Она ощущается иногда даже в тех случаях, когда, слова, входящие в лексическое окружение данной лексемы-

эталона множественности, частоты, таких оттенков не имеют (*Я жил под градом забот и беспокойств* [Андрей Макаревич. «Сам овца». Автобиографическая проза]).

Проведенный анализ позволяет говорить в каждом случае о преобладающих признаках, ассоциируемых с отдельными видами осадков. Так, осмысление града носителями русского языка осуществляется преимущественно в связи с его способностью наносить ощутимый ущерб посадкам и в связи с формой его выпадения (сверху) в виде большого количества ледяных шариков, иногда достаточно большого веса. Это привело к формированию таких векторов его восприятия, как 'убойная сила', 'опасность, гибельность', 'множество'. Эти признаки затмевают по своей актуальности иные ассоциации, связанные с градом ('низкая температура', 'круглая форма' и др.).

В подразделе [2.3.2. «Осмысление града в китайской культуре и его отражение в языке»](#) речь идёт вербализации стереотипных представлениях о граде средствами китайского языка.

Энциклопедическая трактовка града в китайских словарях мало отличается от той, что приводят российские словари, однако нельзя не заметить, что китайские источники особо отмечают ущерб, наносимый несвоевременным выпадением града. Град чаще всего воспринимается в китайском языковом сознании как природная катастрофа, его включают в список стихийных бедствий. Убойная сила града, направленного на определенный объект и способного нанести серьёзный урон, отразилась в сравнении его с использованием пуль стрелкового оружия и иных снарядов. Ассоциации с градом проявляются в образном восприятии различных предметов, получающих «функцию оружия», способных наносить побои, причинять боль.

В китайской фразеологии отразилась ассоциация града с болезненными ощущениями от ударов по голове, лицу: 遇到冰雹就摇头 (Во время града иди по ветру, иначе в лицо бьют шарики града, т. е. 'следует отворачивать голову в сторону'); выражение, используемое в сводках погоды, может быть воспринято

и в переносном смысле – как важный совет относительно того, как себя вести при неприятностях.

Поскольку град чаще идёт летом и выпавшие льдинки быстро тают на земле, с ним связано представление о недолговечности, лёгшее в основу фразеологизма 雷雹 (букв. молния и град) – 'преходящее явление' [Большой китайско-русский словарь]. С разгулявшейся природной стихией – сочетанием грома, молний и града – ассоциируется психоэмоциональное состояние человека: 雷声大，雨点小 (букв. Гром гремит, молния сверкает, идёт град) – 'о человеке в состоянии раздражения, запальчивости, нетерпения, которое быстро проходит'.

Поскольку от погодных явлений во многом зависит возможность осуществления различных видов деятельности, ими может определяться физическое и психическое состояние человека, – снег, дождь и град не просто присутствуют в языковом сознании носителей языка как номинации наблюдаемых явлений, но активно и весьма разнообразно ими осмысляются.

Устойчивые выражения, рассматриваемые как средство фиксации стереотипных представлений, репрезентирующих этнокультурную традицию определенного народа, являются важным источником информации о погодных явлениях в целом и об осадках в частности. Привлечение контекстов, иллюстрирующих современный дискурс, позволяет увидеть более широкую палитру ассоциативного восприятия и осмысления снега, – в том числе и отдельные признаки, не отмеченные в лексикографических источниках. Такая совокупность данных позволяет говорить о целой системе образов, ассоциаций, стереотипов, весьма далекой от упрощенного типизированного представления о каждом из видов осадков.

В **Заключении** работы обобщаются результаты проведенного исследования.

Тот факт, что стереотипные представления, отмеченные нами в устойчивых выражениях русского языка, почти все представлены в современном речевом дискурсе, – даже при том, что сами устойчивые единицы могли выйти из употребления (связанные, например, с успешностью полевых работ), –

свидетельствует об актуальности отраженных ассоциаций, о том, что они действительно входят в круг важных представлений русских и китайцев об осадках.

В то же время некоторые представления об осадках, выявленные нами в речи современников, не отмечены в устойчивых выражениях. Это может объясняться, с одной стороны, спецификой единиц народной речи, фиксирующих в большей степени данные народного календаря, приметы, связанные с погодой, факторы, влияющие на получение хорошего урожая. Ассоциации же, связанные с городской жизнью, по вполне понятным причинам практически отсутствуют в устойчивых выражениях – единицах народного происхождения (катастрофичность обильного снега, необходимость чистки улиц и проч.). Не представлен в устойчивых выражениях лирический аспект восприятия осадков, в то время как в речи современников он весьма ощутим (ассоциации дождя с грустью, тоской). При этом отдельные современные обороты являются подтверждением общей тенденции к фразеологической интенсификации отмеченного в устойчивом выражении признака и его тиражировании (*продать снег зимой/ эскимосам*).

Материалы Национального корпуса русского языка и сети Интернет расширяют картину наиболее востребованных говорящими выражений и вербализуемых в них ассоциаций. Например, не отмеченное словарями выражение *мартовский снег* обретает устойчивость благодаря закрепляющимся за ним ассоциациям (ср. с прилагательными *рыхлый, пористый, тяжелый, податливый, мокрый, дряблый, гнилой*), формирующим представление о чем-то, что подошло к своему концу и неизбежно исчезнет (ср.: *Плачьте, дети! Умирает мартовский снег. Мы устроим ему веселые похороны* [Сергей Чесноков. Песенки в жизни персонажа]).

При сопоставлении данных двух языков, помимо универсальности отдельных культурно-маркированных представлений, обнаруживаются и явления отсутствия одного из представлений в одном языке – при очевидной его важности в другом. Нами отмечены различия как в форме выражения

стереотипного представления (пословицей, поговоркой, компаративной конструкцией), так и в характере вербализации определенного содержания – образной или безобразной. Так, способ репрезентации представлений, типичный для китайской лингвокультуры, характеризуется, в отличие от русской традиции, склонностью к яркой образности, поэтичности, недоговоренности, намёку. Ср. кит. 风调雨顺 (букв. «в городе везде дует ветер и идёт дождь») – 'О пересудах, толках, шумихе'; 云愁雨怨 (букв. «облако тоскует, дождь жалуется» – 'о подавленном настроении, тоске, грусти'); *след гусей на снегу* – 'воспоминания о былом, следы прошлого' и др.

Особенно ощутима этнокультурная маркированность отдельных устойчивых выражений – как русских, так и китайцев – для понимания которых требуются знания экстралингвистического характера – об особенностях национального календаря (*Батюшка-Покров, покрой землю снежком, а меня, молодую, женишком*), о старинных легендах и мифах («дождь в царстве Чу и облако над горой Ушань» – 'о любовном свидании') и др.

Список словарей и источников и их сокращенных наименований

1. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bkrs.info>. (БКРС).
2. Большой словарь русских народных сравнений / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М: Олма, 2008. – 625 с. (БСРНС).
3. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М: ЗАО «Олма Медиа Групп», 2007. – 784 с. (БСРПог).
4. Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. – М.: ЗАО «Олма Медиа Групп», 2010. – 1024 с. (БСРП).
5. Даль, В.И. Пословицы русского народа. Сб.: в 2 т. / В.И. Даль. – М.: Художественная литература, 2004. (ДП).
6. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. / В.И. Даль. – М: Дрофа, 2011. (Д).
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>.(НКРЯ).
8. Цай И. Китайско-русский идиоматический словарь / Цай И, Ли Иннань. – Шанхай: Изд-во «И Вэнь», 1980. – 854 с. (КРИС).

Список использованной литературы

1. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультуральная природа ментальности / Н.Ф. Алефиренко // Язык. Словесность. Культура. – 2011. – №1. – С. 20-39.
2. Андреева, С.М. Понятие стереотипа в контексте современных исследований [Электронный ресурс]. / С.М. Андреева, Ван Ци // V научно-практическая интернет – конференция «Альянс наук» 25-26 февраля 2010 г. – Режим доступа: <http://www.confcontact.com>.
3. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
4. Бартминьский, Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Е. Бартминьский. – М.: Индрик, 2005. – 528 с.
5. Зиновьева, Е.И. Лингвокультурология: Теория и практика / Е.И. Зиновьева, Е.Е. Юрков. – СПб.: МИРС, 2009. – 291 с.
6. Золотых, Л.Г. Взаимодействий фразеологической семантики и семиотических средств культуры / Л.Г. Золотых // III междунар. науч. конф. 19-21 марта 2013 г., Белгород / под ред. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: БГНИУ, 2013. – С. 71-76.
7. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекции / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
8. Ковшова, М.Л. Сопоставительный анализ фразеологизмов: лингвокультурологический подход / М.Л. Ковшова // Филология и культура. – 2014. – №4. – С. 115-120.
9. Косяков, В.А. Стереотип как когнитивно-языковой феномен (на материалах СМИ, посвящённых войне в Ираке): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2009. – 22 с.
10. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекции / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
11. Маслова, В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

12. Пименова, М.В. Методология концептуальных исследований / М.В. Пименова // Антология концептов / под. ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград, 2005. – Т.1. – С. 17.
13. Селиверстова, Е.И. Люди с жабыми глазами: особенности устойчивых оборотов с семантикой сравнения / Е.И. Селиверстова // Устойчивые сравнения в системе фразеологии. Коллективная монография. – СПб.-Грайфсвальд: Ernst Moritz Arndt Universität Greifswald, Филологический факультет СПбГУ, 2016. – С. 159-165.
14. Селиверстова, Е.И. Молоко и мед: жизнь и судьба героев Марины Степновой сквозь призму съедобного / Е.И. Селиверстова // Язык. Культура. Этнос: к 65-летию юбилею проф. З.К. Дербишевой. Серия «Концептуальный и лингвальный миры». 17-18 апреля 2017 г. – СПб., 2017. – Вып. 12. – С. 334-344.
15. Селиверстова, Е.И. Ум в паремийных манифестациях прошлого и современности / Е.И. Селиверстова // Фольклорная фразеология: проблемы лингвокультурологического и лексикографического описания. Коллективная монография / под ред. Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. – Грайфсвальд-СПб., 2018. – С. 205-213.
16. Семенов, Н.Н. Русские паремии: функции, семантика, прагматика / Н.Н. Семенов. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2011. – 355 с
17. Телия, В.Н. От редактора // Фразеология в контексте культуры / под ред. В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 8-11.
18. Хайруллина, Р.Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию / Р.Х. Хайруллина. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2008. – 300 с.
19. Шмелев, А.Д. Русская языковая картина мира: системные сдвиги / А.Д. Шмелев // Мир русского слова. – 2009. – №4. – С. 14-19.
20. Юань Лиин. Русские пословицы о воспитанности/невоспитанности на фоне аналогичных паремий китайского языка (лингвокультурологический аспект) дис. ... канд. филол. наук / Юань Лиин. – СПб., 2016. – 242 с.
21. Юздова, Л.П. Адвербиальные качественные фразеологизмы как средство отражения русской языковой картины мира / Л.П. Юздова // Вестник Челябинского государственного университета. – Серия: Филология. Искусствоведение. 2009. – Вып. 32. – №17 (155). – С. 119-123.

22. Юй Фэнин. Устойчивые сравнения, характеризующие лицо человека, в русской языковой картине мира (на фоне китайского языка): дис. ... канд. филол. наук/ Юй Фэнин. – СПб., 2016. – 252 с.